

Дмитрий Логинов
Богослов, который сказал
о Боге лишь одно слово
Серия «Люди Каменной Книги»

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=182278

Богослов, который сказал о Боге лишь одно слово:

Аннотация

Этот текст Дмитрия Логинова представляет собой раздел его книги «Тайнопись на гробнице волхвов и Велесова книга свидетельствуют: ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ВОЛХВЫ С ВОСТОКА СУТЬ РУССЫ» (М.: Альва-Первая, 2009).

Содержание

ИУДЕЙСТВУЮЩИЕ «АРИЙЦЫ»	5
ТРЕТЕЙСКИЙ СУД СКИФСКОЙ ШКОЛЫ	9
ЕДИНОСУЩНЫЙ ВЫШЕ БОГОВ	11
СЛОВЕНСКИЙ БОГ СЛОВО	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

**Дмитрий Логинов
Богослов, который сказал
о Боге лишь одно слово
(«Единосущный» Константина Великого)**

*Видящий Меня видит Пославшего Меня.
Евангелие от Иоанна, 12:45.*

ИУДЕЙСТВУЮЩИЕ «АРИЙЦЫ»

Вселенский первый собор христианской церкви состоялся в городе Никея в 325 году. И это был собор победителей. Константин I Великий сделал христианство, прежде гонимое, государственной религией воссозданной им империи. Церковь, таким образом, превозмогла преследования от язычников (которые были спровоцированы, в основном, иудеями, как полагают историки Ланчиани, Эдвард Гиббон и Эрнест Ренан¹) и восторжествовала. Некоторые из епископов, прибывших на собор во славе и силе, имели на своих телах следы пыток.

Но этот первый собор мог сделаться и последним. В смысле – завершиться для церкви тем, что христианской она осталась бы только лишь по названию. Многие приходы Византийской империи охвачены были ересью, которая представляла, на поверхностный взгляд, учение вполне стройное, на деле же выхолащивала суть веры.

Что это была за ересь? Ее основоположником называют Ария, последователя Антиохийской богословской школы и несчастливго претендента на кафедру в Александрийской. «Арийская», так сказать, по названию, ересь эта по сути представляла недопустимый уклон в сторону иудейства. А именно: ариане признавали Иисуса Христа Сыном Бога Всевышнего лишь формально.

Чем ересь была опасна? Именно завуалированным характером отхода от апостольского учения. Казалось бы, никакого особенного отступничества и нет. Ведь ариане не утверждали, подобно предшествовавшим им еретикам Евхиону и Керинфу, что Иисус, будто бы, был просто человек и, конкретно, еврей по национальности. (Евангелия сохранили свидетельства, опровергающие не только первое, но и второе: евреи времен Христа не считали Его принадлежащим к их нации – Ин 8:48. Ересь евионитов была анафематствована самими еще апостолами².) Формально, ариане оставляли за Иисусом величальное имя «Сын Бога».

Этим закладывалась, так сказать, «бомба замедленного действия». Евионитство было слишком грубой попыткой ошельмовать Христа, тем более не имевшей успех в первый век, то есть когда Его Самого еще очень хорошо помнили. Прельстить могло лишь учение, которое бы лукаво продолжало именовать Христа Сыном Бога, но исподволь подменяло бы при этом смысл этого богословского понятия: «Сын».

Таким и было явлено арианство. Определение «Сын» понималось им в обыденно-человеческом смысле, а вовсе не как возвышенный символ единения с Абсолютом и – единения абсолютного же. Ведь ариане учили: если Христос родился, то, следовательно, было время, когда Его еще не было. Так провоцировалось начало дрейфа к той выморочной христологии, где Божий Сын разумеется как всего только величайший из всех пророков. Как человек (?!), что наилучшим и превосходнейшим образом среди всех людей засвидетельствовал о Боге.

Заметим, нечто подобное проповедует ныне секта, именующая себя «свидетели Иеговы». Точное самоназвание, кстати. Ибо не об Отце Христа свидетельствуют они. Бог иудаизма не может считаться Отцом Его. Сему имеются богословские доказательства, но они требуют пространного изложения и суть отдельная тема. Поэтому приведем доказательство нравственное по преимуществу, в котором стоит отметить первенство К.Г. Юнга (хотя он лишь наметил формулировку вскользь, комментируя «Климентовы проповеди»). Иисус

¹ Э. Ренан пишет в своей книге «Антихрист» (1873): «Евреи были истинными преследователями и не жалели никаких усилий для истребления христиан».

² Коннер Д., Христос не был евреем. М.: Православное издательство «Энциклопедия русской цивилизации», 2004.

говорит: «Я и Отец – одно» (Ин 10:30). Юнг обращает внимание на «решающее различие между иеговистской и христианской точками зрения», которое состоит в том, что «Иегова откровенно несправедлив, а несправедливость не является добром. Бог христианства, со своей стороны, есть исключительно добро»³. Итак, Иегова не только не есть «одно» со Христом, но и составляет, как раз, иное Ему. Следовательно, согласно речению Самого Христа, бог иудейской Торы никак не может рассматриваться в качестве Его Отца.

Свидетели Иеговы не отвергают имени «Сын», но не признают, что Сын единосущен Отцу. А, между тем, в Евангелии сказано: «Бог есть Любовь» (1 Ин 4:16). Значит, если верить свидетелям Иеговы, получится, что, якобы, то ли Отец не есть по сути Любовь, то ли Сын. Возможно, потому и дела свидетелей этих на практике оказываются не слишком исполненными любви – достаточно вспомнить решение по ним, например, Головинского суда Москвы 26 марта 2004 года⁴. Многие представители христианского духовенства рассматривают свидетелей Иеговы как деструктивную и тоталитарную или даже – по существу своему – антихристианскую секту.

Четкое указание на исток их идеологии дает, к примеру, протоиерей Александр Новопашин: «Две тысячи лет назад иудеи не признали Бога, явившегося во плоти, предав Его на распятие... Но гонители христиан столкнулись с неожиданным феноменом: каждая капля крови, пролитая мучениками за веру, взращивала сотни новых исповедников. И тогда враг спасения душ человеческих меняет тактику, пытаясь разрушить Церковь изнутри... Особое место занимали ереси, пытавшиеся применить иудейские воззрения к христианскому учению – таких еретиков называли иудействующие. Продолжатели иудействующих... объявились на рубеже XX столетия в лице свидетелей Иеговы – мощной международной организацией во главе с Руководящей Корпорацией в г. Бруклине (США)»⁵.

Но возвратимся к временам Константина. Если бы ариане победили на первом Вселенском соборе, все христианство сделалось бы примерно такой же вот вариацией на тему абстрактного и плоского монотеизма, не оставляющего надежд на истинное спасение (то есть восхождение к Самому Богу). А значит, под названием «христианство» мы бы имели сейчас на деле нечто вроде ислама, возникшего за три века до Магомета.

Об этом хорошо говорит специалист по истории христианского богословия Антон Карташев (1875–1960): «Диалектически арианство вело к антитроичности Бога, к обесмыслению вочеловечения хотя бы и Высшего, Единородного, Единственного из сынов Божиих. Это был бы стерильный монотеизм, подобный исламу и иудаизму. Не понимало арианство, что суть христианства не в субъективной морали и аскезе, а в объективной тайне искупления»⁶.

«Яд иудаизма, – замечает Карташев далее, – заключался в антитроичности, в монархическом истолковании крещальной формулы церкви. Антиохийский богословский центр (или „школа“), как находящийся на почве сиромеитической, заявил себя симпатиями и к позитивно-буквальной экзегезе Библии». Проще говоря, через Антиохийскую школу предпринималась первая серьезная⁷ попытка иудаизировать христианство. Тогда, в IV в. по Р.Х., это не удалось. И неудача врага спасения душ человеческих, как это мы постараемся показать

³ Юнг К.Г., AION, глава V «Христос, символ Самости». 1950 г.

⁴ Характерное определение: «жесткая система сбора взносов, подрывающая материальное благосостояние семей членов секты».

⁵ Новопашин А., Мельников В., О чем свидетельствуют «свидетели Иеговы». <http://www.nevskiy.orthodoxy.ru/>

⁶ Карташев А.В., Вселенские соборы. М., 1963.

⁷ Евион и Керинф напоминают, скорее, исторический курьез.

здесь далее, была предопределена посвященностью Константина Великого в тайны древнего иллирийского богословия.

Конечно, это был не единственный (хотя и решающий) фактор, приведший тогда к победе в христианстве исконного православия и закреплению этой победы в тексте Символа веры, который почитается и поныне. Антиохийской школе, через которую проводилась диверсия арианства, противостояла школа Александрийская. Ее представители владели философией Платона и помнили, что именно «в книгах платоников (а не в иудейской Торе) написано то же самое, что в Евангелиях», как это констатировал современник I Вселенского собора святой Августин Блаженный в трактате «Исповедь».

Александрийцы чувствовали, что ариане обкрадывают верующих во Христа, предлагая вместо настоящего Сына Бога поклониться несовершенному бледному разумению о Нем еретиков. Адептам Александрийского богословия было очевидно: утрата ведения о подлинной природе Слова, Которое стало плотью (Ин 1:14), приведет к потере возможности действительного спасения, то есть прозрения в Саму Истину. Ведь сказано: «познаете Истину, и Истина сделает вас свободными» (Ин 8:32). А также: «Никто не приходит к Отцу иначе, как только через Меня» (Ин 14:6).

На богословских диспутах имеющие духовный опыт немедленно указывали суть дела: «Бог вочеловечился для того, чтобы мы обожились! Если бы Он был не Бог, а всего лишь обожен, то как мы бы могли надеяться через Него обожиться?» Но смысл подобных речей был понятен весьма немногим. Лишь тем, кто также имел соответствующий духовный опыт – «сокровище благих», обретаемое лишь продвинувшимися весьма далеко по пути внутреннего святого странничества. Прочие же предпочитали перетолковывать умалено даже категорические прямые свидетельства новозаветных текстов: «в Нем обретается вся полнота Божества телесно» (Кол 2:9). «Велия благочестия тайна: Бог явился во плоти» (1 Тим 3:16). «Он... не почитал хищением быть равным Богу» (Филип 2:6).

Чтобы «велия благочестия тайна», отворенная избранным, сделалась внятна всем, необходимо было отыскать некую формулу ее осмысления – емкое словесное выражение, как бы скачком расширяющее духовный горизонт (способствующее, как бы сказали сейчас, инсайту). Но даже александрийцы, то есть христианские учителя, опиравшиеся на всю мощь философии Платона, не смогли вывести такой формулы. (Впрочем, очень близко подошел Афанасий Великий: «Бог не Монада, а всегда Триада». Но это утверждение было односторонним и, следовательно, уязвимым.)

Поэтому отцам церкви оставалось лишь предостерегать паству, свидетельствуя свое чистосердечное и глубокое убеждение, что путь арианства – гибелен. Они и делали это, не останавливаясь и перед высказываниями весьма решительными. Так, например, святой Александр Александрийский писал в Окружном послании епископам: «В нашей стране появились... христорборцы, которые учат такому отступлению, какое по справедливости может быть признано и названо предтечею антихриста». (Подобный радикализм был вполне в традициях школы. Еще основоположник ее Климент Александрийский называл иудействующих воплощенными бесами.)

Но требовалось положительное учение о Сущности Слова (Логоса). Иначе путь взаимных анафематствований Александрийской и Антиохийской школ приведет в никуда. Но если, как писал Александр, «в нашей стране» (то есть в империи Константина) появилась болезнь, то действенного лекарства против этой болезни в ее же пределах не обнаруживалось. Наверное, именно тогда у Константина Великого родилась идея поискать этого лекарства за пределами Византийской империи. Тогда в богословской дискуссии смогла бы принять участие школа, авторитетная столь, что и Александрийская, и Антиохийская признали

бы ее над собой третейским судьей. Имперские соборы по поводу ереси ариан происходили и раньше, но успеха не приносили. Требовался собор вселенский.

ТРЕТЕЙСКИЙ СУД СКИФСКОЙ ШКОЛЫ

И Константином такой был созван. Именно императором, это была его идея, а не кого-либо из византийских епископов. Причем Константин финансировал организацию и проведение собора из государственной казны. В частности, он оплатил почтовых лошадей *cursus publicus* (курьерской службы, созданной еще Августом), на которых гонцы епископата империи отправились «во все лены», то есть во все страны мира, где только были тогда христианские общины, призвать богословов на встречу и совет во имя торжества Истины. Примечательно, что именно христианский собор оказался первым в истории человечества мероприятием в масштабе Планеты (по крайней мере – первым таковым со времен легендарной Гипербореи⁸).

Запад отреагировал на приглашение Константина слабо, и это говорит о неразвитости там христианского богословия в его время. Зато поместные церкви Востока и, особенно, Севера приняли в соборе горячее участие. Причем, если Сирию представлял всего один богослов, а Армению – два, то более многочисленные делегации прибыли с Кавказа и Босфорского царства (Керчь), а также и от Великой Скифии. По поводу последнего названия процитируем Нестора, который констатировал в «Повести временных лет»: «Жили между собою в мире поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи, дулебы... волыняне, уличи и тиверцы... и сохранились города их доныне; и греки называли их „Великая Скиф“».

Что скифами (или скифами-пахарями) греки называли славян, то есть племена Русова корня (руссy – Руеа еыны, они же «Дажьдбожьи внуки», как именует пращуров наших автор «Слова о полку Игореве»), теперь уже мало у кого есть сомнения. Серьезные исследователи Клавдия Птолемея (II в.), Константина VII Багрянородного (X в.), Льва Диакона, Иоанна Киннама и других сходятся в этом. Но, в результате нераспространенности сведений о географии раннего христианства, может возникнуть вопрос: откуда взялись на Руси времен Константина Великого христианские богословы, да еще и столь искушенные, что не в последнюю очередь ради прибытия их, именно, Византия затеяла Вселенский собор?

Попробуем восполнить пробел. В первые века христианство было представлено целым рядом общин и в землях «скифского квадрата» (так Геродот именовал южные области славянского союза), и к северу от него. Самые первые христианские общины руссов были основаны апостолом Андреем во время его хождения в Скифию, а также и учениками его. (Об этом путешествии Первозванного повествует, кстати, не только «Оповедь». О нем упоминается и, к примеру, в послании византийского императора Михаила VII Дуки русскому великому князю Всеволоду I Ярославичу.) Общины более поздние основали ученики Буса Белояра (IV в.), князя-волхва, который оказал христианам не меньшее покровительство в своих владениях, нежели Константин – в своих.

Волхвы, которых крестил Андрей, восприняли его благовествование не как изложение иноземной и новой веры, но в качестве долгожданной вести об окончательном исполнении древних пророчеств собственной⁹. Именно поэтому «апостол Андрей растрогал проповедью своею скифов», как напишет четыре века спустя епископ Евхерий Лионский. Продолжатель же дела Первозванного апостола князь-волхв Бус Белояр учил о христианстве как о «стеze Пpави» (Бусово Провещание), не мысля его вне контекста богословия древнерусского пра-

⁸ О том, что сохранило предание Традиции об этих временах, мы рассказываем подробно в книге «Планетарный миф» (М.: Альва-Первая, 2008).

⁹ Подробнее об этом в работе Кирилла Фатьянова, изданной в сборнике «Гиперборейская вера руссов» (М.: Фаир-Пресс, 2003).

вославно (Правь славили) ведизма. В итоге во времена раннего христианства земли руссов были единственными, где оно не встречало гонений и не обрастало ересями. (Не потому ли также, что там тогда не было иудеев и, соответственно, иудействующих?) «Холода Скифии кипят жаром веры», свидетельствовал современник I Вселенского собора Евсевий Иероним. И, что особенно важно, это был жар от пламени изначального, не искажаемого ничем апостольского учения.

Вот это и была богословская школа, авторитет которой позволял ей позицию как бы третейского судьи в споре школ Александрийской и Антиохийской. А.В. Карташев именует ее «условно» Малоазийской, а следовало бы назвать Евразийской или, точнее, Скифской. (Коль скоро уж у эллинов на протяжении всей истории ученичества у славян принято именовать учителей из них скифами. История же эта весьма продолжительна, кстати. Она начинается с воздвижения и возглавления скифом Оленом (Оленем) самого знаменитого из храмов эллинских – Дельфийского, что произошло не позднее IX в. до Р.Х.¹⁰ В последующие же века, например, скиф Абарид был учителем Пифагора¹¹; скиф Анахарсис – Креза и Солон и основал школу стоиков. Гераклит получил посвящение и духовное имя Любомудр в русском городе Голунь. И даже еще в X веке в Константинополе учил святой Андрей Скиф, юродивый.)

¹⁰ Павсаний (II в.), «Описание Эллады».

¹¹ Подробнее в книге «Русская Тайна. Перерождение» (М.: Альва-Первая, 2006).

ЕДИНОСУЩНЫЙ ВЫШЕ БОГОВ

Итак, первый Вселенский собор начался. Вопрос, предложенный богословам, собравшимся со всего мира, был: как правильно исповедовать Сына Божия? Епископ Евсевий Кесарийский, более желая угодить всем, чем Истине, предложил, как это бы назвали сейчас, «центристскую» формулировку: «Веруем во Единого Господа Иисуса Христа, Бога от Бога, Сына Единородного, Перворожденного всей твари».

На первый взгляд: что здесь такого уж особенно «соглашательского»? ведь Иисус назван БОГОМ, который рожден от Бога. Казалось бы, такая формулировка исключает возможность исповедания Его человеком или даже верховным ангелом. Но вспомним: первый Вселенский собор – это ведь была еще эпоха раннего христианства, хотя и конец ее. А значит, если первоисточное апостольское учение, в чем-то и было искажено, то пока еще весьма незначительно. До самоуправства¹² Юстиниана на V Вселенском соборе оставалось еще ровно два века, до официального узаконивания на Западе измышлений латинствующих – семь веков, до реформы (чтобы не сказать – ереси) Никона на Руси – тринадцать. Коротко говоря, слово БОГ в устах правоверного христианина во времена Константина могло означать не только Всевышнего.

Ныне сия особенность христианского исконного богословия позабыта столь основательно, что немногие, кто помнит еще о ней, шагу ступить не могут, не нарываясь на обвинения в язычестве. Не помогают и ссылки на вполне ясные речения Нового Завета и писания учеников апостольских. Но все же приведем их, Бог милостив. Речение Иисуса 35 из Евангелия от Фомы: «Где Троица, там и боги». Скажут, что это апокрифический текст (не посмотрев на то, что Фому цитировал Ориген – I–II в.). Но ведь и апостол Павел повторяет эту же мысль: «Есть много богов, но... один Бог Отец, из которого все» (1 Кор 8:5,6). А Дионисий Ареопагит, принявший от Павла крещение (Деян 17:34), и посвященный до этого в учение Абарида и Пифагора, писал о богах и Боге Всевышнем так: «Увидишь и то, что (христианское) богословие называет высшие небесные существа... богами, хотя непостижимое Высочайшее Божество превышает по своей природе все существа» (О небесной иерархии, 12:3). Так вот, поэтому даже именованья Христа БОГОМ во времена Константиновы было еще недостаточно, чтобы во всей полноте исповедать Истину соответственно собственному Его слову «Я и Отец – одно» (Ин 10:30)!

Вернемся к обсуждению происшедшего на соборе. В ответ на предложение Евсевия император произнес одно слово. И слово было о Боге, и было это слово «Единосущный». То есть Константин рекомендовал дополнить формулировку таким вот образом: «Веруем во Единого Господа Иисуса Христа, Бога от Бога, Сына Единородного, ЕДИНОСУЩНОГО Отцу (Ὁμοούσιον τῷ Πατρί), Перворожденного всей твари». И эта рекомендация была принята. Определение «Единосущный» стало неотъемлемой частью Символа веры, которым руководствуются христиане мира поныне. Не правда ли, за одно лишь это Константин I может именоваться по праву не только покровителем христианства, но выдающимся богословом?

Заметим интересный нюанс. И то, что ключевое богословское дополнение было предложено именно Константином, и факт его принятия соборами представляются почти столь

¹² Джеймс Д. Фримен (1912–2003) пишет в книге «Реинкарнация» (часть IV): «Авторитет собора под руководством Юстиниана, на котором была осуждена реинкарнация, неоднократно оспаривался. Приглашение на этот собор получили только... епископы, которые были полностью подвластны императору... Юстиниан... оказал на них все возможное давление для того, чтобы они анафематствовали».

же невероятным, как чудо, что явлено было Свыше на соборе впоследствии, о чем еще мы скажем подробнее. Свершившееся ставит перед внимательным исследователем три вопроса, ответ на которые нашему современнику вовсе не очевиден.

Первый: как это владыка светский, то есть невежда, вроде бы, в тонкостях богословия, сумел разрешить спор лучших теологов своего времени, единственным штрихом завершив ту формулу осмысления «велий благочестия тайны», о коей мы говорили выше? Второй: почему собор, которому в делах веры была никак не авторитетом светская власть, стал вообще рассматривать предложение не то, что мирянина, но вовсе некрещеного человека (Константин посчитал себя достойным креститься во Иисуса лишь на смертном одре) и строителя трех «языческих» храмов? И третий вопрос, наконец: как оказалась принятой подчеркнуто антиарианская формулировка Символа, когда представители Александрийской и Скифской школ, вместе взятые, являли на соборе очевидное меньшинство по сравнению с последователями Антиохийской?

По поводу последнего из этих удивительных моментов А.В. Карташев пишет: «В том-то и чудо I Вселенского собора, что он произнес сакраментальную догматическую формулу *Ὁμοούσιον τῷ Πατρὶ* устами только избранного меньшинства». И ниже замечает еще: «Это – меньшинство, вполне осознавшее ядовитость арианства, владеющее орудием философской и литературной образованности. Это было ведущее и ответственное меньшинство. Большинство (же) не постигало сложности вопроса... но историческая необходимость заставила для победы над арианством выдвинуть соответствующее орудие, ибо... ариане провозили на соблазн простецам свою рационалистическую контрабанду. А потому-то и всю тяжесть борьбы пришлось вынести передовому меньшинству».

Воистину это так. Затем и призывал Константин «скифских» учителей на помощь александрийцам. Логика его была следующая. Чтобы не постигающее сложности вопроса большинство не мешало, по крайней мере, передовому меньшинству, последнее должно обладать безусловным авторитетом. Таким, чтобы первое могло голосовать с чистой совестью, полагаясь на решения этого меньшинства как на суждение основоположников и учителей. По видимому, в качестве таковых и воспринималась во времена раннего христианства Скифская, т. е. Славянская, богословская школа.

И это есть еще одно подтверждение вывода, который сделан В.А. Чудиновым в результате исследования сакральных надписей на многочисленных культовых предметах раннего христианства и славянского ведизма. «Сюжеты... непременно подписывались, независимо от того, ведические они или христианские... Языком изображений, всех без исключения (даже если оно касалось латинян), был русский... Более того, сами христианские святыни (изображения, кресты) изготавливались в мастерских славянских ведических культов (изображения – в мастерских Макоши, кресты – в мастерских Рода). Из этого можно сделать только один вывод: культ Иисуса Христа зародился и развивался в недрах славянского ведизма»¹³.

¹³ Чудинов В.А., Тайнопись на русских иконах, М., Альва-Первая, 2008. С. 361–362.

СЛОВЕНСКИЙ БОГ СЛОВО

Сегодня евионитская или околоевионитская ересь в различных модификациях своих столь укрепила позиции, что выводы подобного рода воспринимаются большинством «в штыхы» даже несмотря на тома скрупулезнейшим образом представленных доказательств. (Страшная эта штука – навязываемый голословным, но бесконечным гипнотическим повторением неправды стереотип восприятия!) Греки же времен раннего христианства скорее всего отреагировали бы на заявление Валерия Алексеевича идиомой «кто ж этого не знает». Климент Александрийский в «Строматах» почтительно отзывается о скифе Анахарсисе, как о понимающем в символах. А вот Моисея, например, зовет «варварским философом»¹⁴.

Святой Иустин Философ (II в.) называет ведавших Слово (Логос) «христианами до Христа». Он почитает их подобными в мудрости Сократу и Платону. Вспомним, откуда взялся в античной эллинской философии этот ее знаменитый Логос. От Гераклита и стоиков. Первый, как было сказано выше, получил посвящение в Северную Традицию в русском городе Голунь, а школу последних основал один из «семи мудрецов античности» скиф Анахарсис. Любимый ученик Христа начинает свое Евангелие, фактически, цитатой из Гераклита: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».

Бог Слово испокон известен племенам Русова корня, то есть славянам или, точнее – словенам¹⁵. Именно в честь него был назван один из наших великих пращуров – основатель Словенска, древнейшего русского города, который сгорел дотла и отстроен был заново Рюриком и поэтому стал называться Новгород. Бог Слово есть иное именование Дажьбога, хотя сегодня это уже мало кому известно. Поэтому говорили: если не сдержал слово – обидел Дажьбога, и Он накажет тебя. И выражение «живет в согласии с Дажьбогом» означало: этот человек держит слово.

Стихия Слова представляет собою умный – духовный – свет и поэтому несущие Слово называются просветители. И посему еще одно имя Дажьбога – это Яр, и символ Его есть Солнце. Как у славян, так и у скандинавов был очень распространен обычай: все скольконибудь важные соглашения заключать не иначе, как только в светлое время суток. Дабы за соблюдением слова, данного на земле, присматривал сам Бог Слово своим всевидящим и ярчайшим небесным оком.

Рассматривая пантеоны различных племен славян, то есть Дажьбожьих внуков, мы можем видеть, что они рознятся, и в некоторых случаях весьма существенно. Они могут различаться и даже, в каких-то случаях, рознятся довольно существенно. Однако историкам и этнографам не известно ни одного славянского племени, которое бы не знало Дажьбога. Нашу семью племен можно было бы именовать и «дажьбожиане», да только это название неудобопроизносимо. Поэтому на деле мы прозвались от иного имени того же самого Бога: словене, что и преобразилось впоследствии как «славяне».

Прямые пращуры наши служили Дажьбогу с очень давних времен. Еще до легендарного похода князя Яруны на Индостан, который был совершен в 7–8 тысячелетие до Р.Х. (Кстати, в ознаменование начала этого великого похода и был воздвигнут на Урале знаменитый «Шигирский идол» – единственный из известных русских, который изображает божество идущим, а не стоящим.) Бармины севера Евразии передали брахманам Индии веде-

¹⁴ Не за это ли католики в 1586 г. вычеркнули основателя Александрийской богословской школы из списка святых (как будто человек властен такое сделать!), когда у них усилились евионитские настроения?

¹⁵ Как, впрочем, и бог Число – Числбог. Хотя, конечно, он и несравним по значимости со Словом, что тонко показано в стихотворении Гумилева.

ние о Дажьбоге. Поэтому Он и упоминается в книге индуистских гимнов богам – Ригведе, составленной не позднее двух тысячелетий до Р.Х., под именем «Даджи-бхага» (Риг II 17:7). Подобное не объяснить случайным созвучием, потому что в другой священной книге индуизма – Упанишадах – мы видим точное изложение славянского (точнее, словенского) ведения о Дажьбоге. «Непреходящее Слово единосущно Высшему Брахману. Два знания следует знать: о Брахмане Слове и Высшем Брахмане. Сведущий в Брахмане Слове достигает затем и Высшего Брахмана» (Упанишады, Брах 16)¹⁶.

Предание, которое хранит Русская Северная Традиция, сообщает, что ведение о Боге Слове далекие наши предки переняли от легендарных арктов¹⁷. Примерно с тех же времен пошло выражение «да будет слово твердо», входящее почти во все наиболее древние русские заговоры и заклинания. Сегодня если мы говорим: «слово такого-то – твердое», то выражаем уверенность: человек сделает, как он обещал, не бросит слово свое на ветер. Но в прежние времена понимание было более буквальным: отвердевание слова мыслилось как становление его плотью или же делом. (Во время Аскольдова крещения, например, епископ обещал киевлянам, что произойдет чудо в ознаменование истинности христианской веры. Киевляне же отвечали: как станет слово твое твердо, мы уверуем.)

Исполнить слово и означает его наполнить реальной плотью. Древние замечали: слово нередко будто бы исполняет само себя – так проявляется зримо сила его творящей умной стихии. Практическое знание о такой мощи стихии слова запечатлено в простых поговорках типа: «как вы назовете корабль – так он и поплывет». Или: «написанное пером не вырубишь топором». Фундаментальные труды Валерия Чудинова представляют собой, фактически, собрание свидетельств существования у протославян – то есть словен, руссов – религиозного почитания Слова и письменности. Культ этот имел влияние на весь мир, почему, как это доказывает ученый, практически все известные на сегодняшний день алфавиты произошли от сакрального русского силлабария¹⁸.

Такие действия, как «долго называть» или «повторять много раз» означаются по-русски словом «твердить». На древнем языке волхвов оно имело значение «воплощать», и знаменовало собой действие посвященного, который переводил именуемую сущность из мира тонкого – в плотный, материальный. В начале произносится слово, а потом сущность, обозначаваемая им, делается и плотью. Везизм здесь явно противоположен язычеству, обожествляющему материальные объекты или явления, а не идеальный словесный (логический) первообраз. Из эллинов стать выше ахейского язычества смогли последователи тех философских школ, которые основали «скифы». Так, например, представители школы стоиков, почитающих основателем скифа Анахарсиса, учили о Слове (Логосе) как о стихии формообразующих потенций, т. е. «семенных логосов»¹⁹, посредством которых только и может происходить сотворенье чего бы ни было²⁰. Модификацию этой идеи восприняли неоплатоники, у которых учился основатель христианской богословской Александрийской школы.

Но, подчеркнем, эту идею сумели перенять у «скифской» Традиции лишь эллинские философы, то есть аристократы духа. Представления же о богах основной массы населения средиземноморья со времен падения в XIII в. до Р.Х. оплота везизма – Трои – остава-

¹⁶ Сравним: «Я и Отец – одно» (Ин 10:30), «Видевший Меня видел Отца» (Ин 14:19), «Никто не приходит к Отцу иначе, как только через Меня» (Ин 14:6).

¹⁷ Подробнее в книге «Планетарный миф» (М.: Альва-Первая, 2008).

¹⁸ Чудинов В.А., Русские руны, М., Альва-Первая, 2006.

¹⁹ Сравним у Марка: «Сеятель слово сеет» (Мр 4:14).

²⁰ Сравним у Иоанна: «Все через Него (Слово) начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть» (Ин 1:3).

лись языческими. Как это вырезано на буковой дощечке № 22 Велесовой Книги²¹, «Елане бо сіе соуте врзі... бозієм нашієм. Грьцколане соуте не бзіе потшуть... (а) каменіе ізбръщени, подобіе се менжієм. А наше бзіе соуте выразе». То есть: «Эллины враги богам нашим. Жители земли греческой не (самих) богов почитают, а (только) каменные изображения их наподобие людей. А наши боги суть выразительные (то есть творящие, формообразующие) силы»²².

Да и философские школы греческие, надо сказать, переняли богословскую идею северного ведизма отнюдь не полностью. Античный эллинский Логос был только формотворящей стихией, надстоящей над миром яви, – так сказать, суммой первообразов (эйдосов) Платона, – но не представлял волящее Начало. Иначе говоря, Логос эллинов являл собою Божественное во всяком боге, но не был Богом. (Возможно, о Боге Личном, то есть не обезличенном, а волящем Слове догадывался Плотин; однако – только догадывался.) Об этом говорит Гегель в «Науке Логики», призывая не застревать на только Божественности того философа, который пожелал зреть умными очами Самого Бога.

Для русского же ведизма испокон было естественно полагать, что, как за любым явлением (Явь) стоит сокрытая сила (Навь), так и за любой силою стоит воля (Правь). Или, говоря современным бесцветным языком, под маской материи кроется энергия, а под маской энергии – информация. Поэтому последователи ведизма (в отличие от язычников) почитали не «силы природы» и, уж тем более, не «идолов», но ЛИКИ – как это и начертано повсеместно тайнописью на предметах культа (смотри любую книгу Чудинова). Чтобы вообще было возможно какое-либо рождение, первым должен родиться Род – волящее начало. И, точно также, Слово не есть только пассивный проводник воли Изрекающего – оно есть Бог Слово, который своей вольной волею творит (переводит в плоть) Его волю²³.

Простите за отступление в область высоких материй философии и богословия. Такие могут оставить у не специализирующегося в этом читателя ощущение дискомфорта. Однако, говорят, впечатления от экскурсов подобного рода копятся «в надсознании» для того, чтобы в один какой-то и вправду прекрасный день пробудить инсайт. А данное отступление было необходимо, чтобы не оставлять голословным тезис: греки научились богословию своему от скифов.

Поэтому потерпим еще чуть-чуть, дабы его достойным образом завершить. Как метко написал о русских богах Дмитрий Мережковский в трактате «Атлантида – Европа»²⁴, «можно сказать, что это боги крещенные... переливаются друг во друга, как цвета радуги, а Солнце за ней одно»²⁵. «Все они не только крещенные, но и крестители; все говорят: Идущий за мною стал впереди меня, я недостойн развязать ремень обуви Его». Чтобы рождаемый бог оказался ликом, а не просто энергией, не имеющей своей воли и не отличимой от прочих, ему должно быть наречено имя²⁶. Но имя представляет собою СЛОВО. Поэтому лишь рождение Бога именем Слово обуславливает самое себя, тогда как рождение других богов обуславливается им. Единого рождения Бога Слова достаточно, чтобы родились остальные боги.

Согласно северному ведизму, все боги – сварожичи. Однако иносказательное имя Сварожич прочно закрепилось за Дажьбогом, исключительно. «Сын Сварогов, еже есть Дажь-

²¹ Нумерация по изданию: Творогов О.В., Велесова Книга, ТОДРЛ т. XLIII, Ленинград, Наука, 1990.

²² Сравним учение православного христианского святого Григория Паламы (XIV в.) о «божествах» или «нетварных творящих энергиях Бога», за которое католики ругают его политеистом и пантеистом.

²³ Сравним у Луки: «Отче! Да минет Меня чаша сия! Впрочем, не Моя воля, но Твоя да будет!» (Лк 22:42).

²⁴ Мережковский Д.С., глава Крещенные боги, Белград, 1930.

²⁵ Сравним учение Дионисия Ареопагита о богах, как о «лучах Бога», пронизывающих все творение.

²⁶ Алексей Лосев пишет в книге «Философия имени» (1927): «Имя есть высшая точка, до которой дорастает высшая сущность».

бог» – читаем в Ипатьевской летописи 1114 года. Историки В.В. Иванов и В.Н. Топоров обращают внимание, что в мифологии балтийских, например, славян под Сварожичем всегда разумеется Дажьдбог, как это видно из текстов западноевропейских хронистов. Один уровень есть Бог Сын и совсем другой – боги дети. (Мы, люди, тоже говорим о Боге Отце как о нашем Отце небесном, но Иисус от этого не становится «менее Единородным».) Как именно «крещенные боги», которые и «крестители», «переливаются друг во друга»? Это тема для целой отдельной книги. И это будет вторая книга в серии «Русская тайна»: она будет называться «Обруч перерождений».

Впрочем, понятийный движитель взаимоперерождений богов тот же самый, что и перетеканья вселенских эонов, о котором сейчас мы скажем. Являющее себя проходит всегда три стадии²⁷. Сначала оно проявляется неопределенно, затем определенно и, наконец, предельно²⁸. Причем этот закон явлений (воплощений) мы можем видеть и на примере самого ВОПЛОЩЕНИЯ в целом, как такового.

Эон вселенский первый, пребывание Ария в Ирии (по Библии – Адама в Эдеме)²⁹ есть воплощение вообще – неопределенное: не имеющее пределов (ограничений) во времени и возможностях. Второй эон, блуждание человечества в Малой Сварге (по Библии – в мире, который лежит во зле после грехопадения Прародителей) есть воплощение ради самого воплощения – определенное: ограничиваемое Смертью, являющее малоосмысленный хоро-вод рождений-смертей-рождений... И, наконец, эон третий, Спасение, который суть воплощение самого Воплощения – предельное: ибо Слово, содеевающее плотью все, облекает ею теперь самое Себя, то есть воплощает сам уже Воплощающий Принцип. И в результате плоть обретает возможность одолеть Смерть.

Подобные духовные созерцания и пророчество о грядущем воплощении Слова, перенятое от арктов, легли в основу величественного цикла мифов о Спасе Дажьдбоге, каждая деталь которого символична и, вместе с тем, несет в себе профетический концентрированный заряд. Мифы говорят о рождении Его Девою, о преображении, распятии, воскресении и восхождении Дажьдбога на небо ко Сварогу. Древние руссы, констатирует Коннер, «следуя в южном направлении вдоль Волги к Каспийскому морю и к Малой Азии, в далекое доисторическое время предприняли опасный поход к более теплему климату и более легким завоеваниям через Иран в Индию и Месопотамию»³⁰. Тогда во всех этих землях родились переложения Дажьдбожьего эпоса, которые в последующие тысячелетия сделались основой мощных религий. Таковы культы Озириса и Гора (Хора), Аполлона и Диониса, Думузи (где можно видеть поразительные совпадения в текстах гимнов с православным христианским канонем), Колаксия и Митры. В священном гимне Мехр-Яшт последний недвусмысленно именуется «воплощенным Словом» (Яшт 10:25)³¹. Однако все это, повторим, были перепевы, которые утратили целостность матричной мелодии, а потому сплошь и рядом вырождались в язычество. Правда, один из египетских фараонов – Эхнатон – попытался обратить этот процесс, но у него ничего не вышло. Действительное ведение сохранялось лишь в узком кругу посвященных или философскими школами.

²⁷ Как учит Белояр, до Яви и после Яви бывает Навь, в Яви же «княжит Правь», т. е. действует закон триединства.

²⁸ Сравним: Гегель различает у всего сущего три стадии бытия: «для-себя-бытие», «в-себе-бытие» и «для-себя-в-себе-бытие».

²⁹ Священномученик Ипполит Римский, епископ Остиумский (III в.) писал в трактате «О Воскресении – против иудеев»: «Это великая тайна самофракийцев... Они же могут с достоверностью сообщить об Адаме как о своем пращелове».

³⁰ Джекоб Коннер, Христос не был евреем, М., Православное издательство «Энциклопедия русской цивилизации», 2004.

³¹ А в гимне «Хоршид Яшт» (Почитание Солнца – Хорса) прославляется Святой Дух (Яшт 6:2).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.